

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-38-48

СИМВОЛИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И А.А. АХМАТОВОЙ

Григорьева О.Н., Кадыюглу Э.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 51, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается употребление слов с семантическими компонентами 'память' и 'забвение' в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Авторами обосновывается идея о том, что в любом художественном тексте реализуется общий эстетический принцип памяти, связанный с сохранением опыта, накопленного мировой культурой. Исследование показало, что в поэзии Некрасова и Ахматовой есть много общих символов памяти и забвения, которые позволяют понять глубинный смысл их произведений. Такими, например, являются образы брошенного цветка и уничтоженного письма как символы забвения. Однако в индивидуально-образной системе каждого автора отражается его личный опыт и особенности стиля. Выявленные в статье метафорические модели памяти могут послужить основой для дальнейших исследований поэтических текстов.

Ключевые слова: поэтический язык, символ, метафора, ассоциации, мотив.

MEMORY AND OBLIVION SYMBOLS IN POETIC LANGUAGE OF N. NEKRASOV AND A. AKHMATOVA

O. Grigorieva, E. Kadioglu

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the use of words with semantic components "memory" and "oblivion" in the poetic language of N. Nekrasov and A. Akhmatova. The authors support the idea that any fiction text realized the general aesthetic memory principle that connects with the preservation of the world experience accumulated by culture. The study showed that there are a lot of common memory and oblivion symbols in Nekrasov's and Akhmatova's poetry that allow to understand the deeper meaning of their works. Such as, for example, images of abandoned flower and destroyed letter are oblivion symbols. However, in individually-shaped system each author reflects his or her personal experience and speciality in style. Metaphorical memory patterns that were identified in the article can serve as a basis for further studies of poetic texts.

Key words: poetic language, symbol, metaphor, associations, motif.

Представление о памяти или её утрате выражается в русском языке в ряде устойчивых образов, которые запечатлены во многих фразеологизмах: *выско-*

читать из головы, стереться из памяти, дырявая голова, провал в памяти, быльём поросло, завязать узелок, зарубить на носу, всплыть в памяти, погрузиться в воспоминания, поток воспоминаний, оставить след, отпечататься, груз воспоминаний и др. О.Г. Ревзина называет память особым информационным устройством, в котором используются различные знаки [11, с. 12]. Если означаемое и означающее находятся в отношении сходства, то мы имеем дело с иконическими знаками. Одним из примеров такого воспоминания является образ. Если связь между означающим и означаемым основана на смежности, следует говорить об индексальных знаках. Это происходит в тех случаях, когда какое-либо ощущение (зрительное, слуховое, тактильное и др.), эмоция, деталь воспринимаются человеком как обозначение целого. Когда означающее и означаемое связаны между собой условно, по договорённости, возникают конвенциональные, или символические, знаки. Примерами могут служить крест на могиле, памятная доска, зарубки на дереве, узелки на память, старые письма.

Е.С. Кубрякова отмечает, что слово *память* особо выделяется среди слов, которые связаны с духовной жизнью человека, и является одним из ключевых слов в русской поэзии [6, с. 86]. На важную роль метафоры памяти в русской поэзии обращает внимание Е.В. Купчик в своей статье, посвящённой метафоре памяти в русской поэзии. Автор пишет, что память является традиционным мотивом в поэтических текстах, участвует в создании многих метафорических моделей, которые представлены в словарях

языка русской поэзии [7, с. 154]. Источником создания сложных символических образов в поэтических текстах являются традиционные метафоры (память-вместилище, память-след, память-вода, память-надпись и, с другой стороны, забвение-могила, забвение-пыль, забвение-трава, забвение-руины), причём каждый из авторов отдаёт предпочтение каким-то определённым мотивам. В поэтическом языке реализуется общий эстетический принцип памяти, связанный с сохранением опыта, накопленного мировой культурой. Как пишет Ю.М. Лотман, «культурная память ... сохраняет прошедшее как пребывающее» [8, с. 674]. Как указывает Брагина Н.Г. в книге «Память в языке и культуре», человек видит что-то, что отсылает его к образу, который хранится в памяти. Происходит превращение вещи в памятную вещь. *Памятная вещь* всё время вызывает воспоминания о ком-нибудь или о чём-нибудь [4, с. 249].

Поэзию Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой сближают особенное внимание к теме памяти и характер связанных с этой темой образных ассоциаций. Косвенным подтверждением этой близости могут служить и некоторые биографические детали. Когда Анна Ахматова отвечала на вопросы в анкете, предложенной К.И. Чуковским в 1920 г., она написала, что первым из поэтов, с творчеством которого она познакомилась и чьи стихи полюбила, был Некрасов [12, с. 347]. Целью нашего исследования было выявить тематические связи и образные пересечения в лирике Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

Характерными метафорами воспоминания выступают в лирике обо-

их поэтов рисунок и надпись. В ряду других у Н.А. Некрасова особо выделяется стихотворение «Я посетил твоё кладбище ...» (1856), в котором глагол *рисоваться* означает «вспоминаться». Следует обратить внимание на глагол *забыться*, который соотносится с пробуждением в душе лирического героя воспоминания. В значении этого глагола заложена, на наш взгляд, парадоксальная мысль: чтобы вспомнить кого-то, нужно забыть себя.

И образ твой светлей и чище

Рисуется душе моей

<...>

Забудусь, ты передо мною

Стоишь – жива и молода ... [10, т. 2, с. 32]

В нескольких произведениях Н.А. Некрасов использует метафору *скрижали памяти*:

Я в лицо тебе гляжу

И на памяти скрижали

Образ твой перевозжу («Слеза разлуки», 1840 [10, т. 1, с. 340]).

Скрижали – каменные доски с написанными на них десятью божественными заповедями (по библейскому сказанию). В переносном значении – «то, в чём или где сохраняются, отмечаются важнейшие установления, сведения о памятных событиях» [2]. Ср. *скрижали истории*.

Образ *скрижали*, наряду с не менее символическими образами *буквы* и *саркофага*, встречаются также в стихотворении Н.А. Некрасова «Колизей» (1839):

Угрюмое зданье! века пробежали,

Пока к разрушенью ты сделало шаг;

Ты крупная буква на тёмной скрижали

Прошедших столетий; ты им саркофаг [10, т. 1, с. 202].

Концептуальные метафоры памяти в их статическом и динамическом аспектах рассматривает Л.М. Бондарева. Автор выявляет некую метафорическую цепочку, которая ведёт от восковой таблички к письму, и далее через метафору библиотеки подводит к метафоре книги [3, с. 72].

Памятная надпись становится темой и содержанием нескольких стихотворений Анны Ахматовой, в которых слово *надпись* обозначено в самом названии. Это «Надпись на неоконченном портрете» (1911): *О, не вздыхайте обо мне, Печаль преступна и напрасна* [1, т. 1, с. 58]; «Надпись на книге “Подорожник” (1941)»: *Из той далёкой и чужой весны / Мне чудится смиренный подорожник* [1, т. 1, с. 492]; «Надпись на книге» (1940): *Почти от залетейской тени / В тот час, как рушатся миры, / Примите этот дар весенний* [1, т. 1, с. 479].

В поэтическом мире Анны Ахматовой рядом с высокими, торжественными образами часто оказываются простые, обыденные следы памяти. Наиболее показательным в этом отношении стихотворение «Есть три эпохи у воспоминаний ...» (1945). В первой его части воспоминания предстают как храм, под высоким сводом которого находится лирическая героиня: *Душа под сводом их благословенным, И тело в их блаженствует тени* [1, т. 2, кн. 1, с. 99]. Далее в одном образном ряду оказываются смех, слёзы, пятно чернил на столе и поцелуй – *печать на сердце*:

Ещё не замер смех, струятся слёзы,

Пятно чернил не стёрто со стола, –

И, как печать на сердце, поцелуй,

Единственный, прощальный, незабвенный ... [1, т. 2, кн. 1, с. 99]

Глагол *стираться* в значении «забываться» является общеупотребительным в русском языке, однако в поэзии Анны Ахматовой его внутренняя форма (удалять с поверхности) оживает, становится более отчётливой.

*Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далёк.*
(«Подражание И.Ф. Анненскому...», 1911 [1, т. 1, с. 54])

*Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.*
(«О тебе вспоминаю я редко», 1913 [1, т. 1, с. 163])

Пятно как метафора памяти встречается и у Н.А. Некрасова в стихотворении «Букинист и библиограф» (1877).

*Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно –
Немой свидетель о заслуге* [10, т. 3, с. 216].

Как плуг оставляет на себе память о встречах с землёй, так и книга хранит память о прикосновениях руки того, кто её читал когда-то.

Книга – немой свидетель прошлого – образует ещё одно метафорическое поле в творчестве обоих поэтов. Говоря о метафоре «память – книга», Л.М. Бондарева подчёркивает, что это не обычная книга, целостная и завершённая, а книга меняющаяся, непостоянная, и в этом заключается её сходство с памятью: книга-память формально завершена, но её можно бесконечно интерпретировать, по-разному истолковывать, изменения воспоминаний всегда непредсказуемы. Именно в этом кроется причина безграничности памяти. [3, с. 72] Этот

образ мы встречаем у Анны Ахматовой в стихотворении «Надпись на книге» (1940):

*И сада Летнего решётка,
И оснежённый Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал* [1, Т. 1, с. 479].

Следует заметить, что в поэзии Анны Ахматовой слово *Лета* (название реки забвения в древнегреческой мифологии) занимает особое место: *Хочешь мне сказать по секрету, / Что уже миновала Лету / И иною дышишь весной* («Поэма без героя», 1945 [1, т. 3, с. 99]); *Но возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих царскосельских садов* («Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...», 1957 [1, т. 2, кн. 1, с. 202]).

В произведениях Н.А. Некрасова ни разу не встречается этот образ. Его любимая река – Волга, она возникает в некоторых стихотворениях как напоминание о детских годах.

Вернёмся к образу книги у Анны Ахматовой. Последняя страница книги приравнивается автором к забвению.

*А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других –
Когда уже совсем не интересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко.*
<...>

*И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.*
(«А в книгах я последнюю страницу...», 1943 [1, т. 2, кн. 1, с. 54]).

Строка *И даже «вечность поседела»*, по свидетельствам современников, отсылает к известному роману Марка Твена «Том Соьер». Загнутый

на странице книги уголок также является символическим знаком, а у Ахматовой – даже мистическим.

*Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?
И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Всё как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года*
(«Подражание И.Ф. Анненскому...», 1911 [1, т. 1, с. 54])

Время оставляет свой след на пожелтевших страницах старых книг и в конце концов уничтожает их.

*Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу* («И увидел
месяц лукавый...», 1946 [1, т. 4, с. 415]).

Как мы видим, забвение у Анны Ахматовой метафорически представлено и в глаголах, которые включают семантический признак «уничтожение»: *сгнить, истлеть, истлевать, погребать, стираться*, которые приобретают отвлечённое, символическое значение: *Всё унеслось прозрачным дымом, / Истлело в глубине зеркал...* («Тот город, мной любимый с детства...», 1929 [1, т. 1, с. 417]).

Наряду с образом *тления*, верные спутники забвения у Анны Ахматовой – *паутина* и *пыль*: *Где есть пауки и пыль на всём лежит, / Где истлевают пламенные письма...* («Есть три эпохи у воспоминаний...», 1945 [1, т. 2, с. 99]).

Пыль приравнивается забвению и в образной системе Н.А. Некрасова, что вполне согласуется с общеупотребительным в русском языке фразеологическим выражением *пыль веков*: *И слышу голос: «Слоем пыли / Давно покрыт прошедший век»* («Человек», 1838 [10, т. 1, с. 191]); *А дни летят ... Слои пыли*

гуще, шире / День ото дня на позабытой лире... («Из письма к Е.А. Некрасовой», 1840 [10, т. 14, кн. 1, с. 29]).

Забывшая могила зарастает травой, и это неизбежный и жестокий закон жизни, о котором пишут оба поэта. Анна Ахматова выбирает в качестве «растительных» символов *крапиву* и *чертополох*:

За то, что дым сравнил с Лаокооном,

Кладбищенский воспел чертополох...
(«Борис Пастернак», 1936 [1, т. 1, с. 427])

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить её предстоит.* («В сороковом году», 1940 [1, т. 4, с. 243]).

Как пишет Анна Зализняк, метафора забвения отражается в устойчивом фразеологическом словосочетании *быльём поросло* и его вариантах. *Быльё*, собирательное существительное от слова *быль*, имеет значение «травы». Травой зарастают могилы, за которыми никто не ухаживает: выросшая на этих могилах трава символизирует уничтожение памяти о тех, кто в них похоронен [5, с. 490].

В следующем отрывке в образе крапивы, превращающейся в розу, забвение трансформируется в память:

И крапива запахла, как розы, но только сильнеей.

*Было душно от зорь, нестерпимых,
бесовских и алых,*

Их запомнили все мы до конца наших дней. («Небывалая осень построила купол высокий...», 1922 [1, т. 1, с. 393]).

«Трава забвения» является также излюбленным образом Н.А. Некрасова. В стихотворении «В.Г. Белинский» (1855) поэт с горечью говорит о том, что друзьям, которые собирались по-

ставить памятник на могиле своего товарища, лень помешала сделать это: *Мои́ла заросла кругом: / Не сыщешь ...* [10, т. 4, с. 9].

В уже упомянутом нами стихотворении «Колизей» (1839) *мох и плющ* на развалинах символизируют полное забвение:

*Поросише мхом, окаймлённые плющем,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напомнят они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят* [10, т. 1, с. 202].

В стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873) *поросшие травой* стены старинного храма говорят о забытом прошлом, о разрушении человеческой памяти:

*Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялися...* [10, т. 3, с. 121].

Противопоставленные в приведённом выше отрывке *развалины* и *убогие остатки* реализуют семантическую оппозицию *память – забвение*. Но в том же произведении *остатки* отождествляются с *развалинами*. Построена новая церковь, которая *заслоняет развалины старой: Но до остатков строения / Руки мирян не коснулись* [10, т. 3, с. 120].

В стихотворении «Колизей» *развалины* так же, как и *руины*, становятся памятником старины, предметом поклонения древней культуре:

*Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к предвечному
в храм ...* [10, т. 1, с. 204].

Здесь словосочетание *обломок здания* включено в метафорический ряд памяти, а не забвения:

*Но – слава искусству и древним
умам! –*

Ещё нам напомнить и каждый обломок

Способен об их исполинском труде... [10, т. 1, с. 202].

Так же и в поэтическом языке Анны Ахматовой осколки разбитого золотистого кувшина символизируют тоску лирической героини о прошлом, которое невозможно вернуть:

*Все осколочки собрала,
Не умела их сложить... («Алиса»,
1911 [1, т. 1, с. 46]).*

Удивительное совпадение обнаруживается в упомянутом выше стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873) и ахматовском «Надпись на книге» (1930–1939). У Некрасова читаем:

*Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...
<...>*

*Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шёпот молитвенный
Слышались мне... [10, т. 3, с. 122].*

Лирическая героиня Анны Ахматовой также оказывается под тяжёлыми развалинами прошлого, проваливается в него.

*Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала («Надпись на книге», 1930–1939 [1, т. 1, с. 457]).*

Нередко у Анны Ахматовой встречается отождествление памяти с домом. Е.В. Малышкин отмечает, что всякое воспоминание локально, связано с определённым местом, и в этом

смысле сама память всегда бывает локальной [9, с. 105].

*Я прошлое в доме моём берегу,
Над прошлым тайно колдуя*
(«Пришли и сказали: “Умер твой брат” ...», 1910 [1, т. 1, с. 27]).

Память выступает в образе хозяйки дома и в стихотворении Н.А. Некрасова «Незабвенная» (1839). У неё есть ключи от дома-сердца, где хранятся дорогие воспоминания:

*О память, память! образ нежный
Надолго в сердце заключи,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи!..* [10, т. 1, с. 219].

Уничтожение дома приравнивается в поэзии Анной Ахматовой к забвению, а музей – к могиле, где обрели вечный покой вещи:

*От дома того – ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башимачки* (Из цикла «Юность», 1940 [1, т. 4, с. 226]).

Покинутый дом также отождествляется с могилой в стихотворении Анны Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний» (1945):

*В глухом предместье дом уединенный,
<...>
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки с мылом...* [1, .. 2, кн. 1, с. 99].

Здесь противопоставлены глагольные словосочетания *ходить на могилу* (помнить) и *мыть руки мылом* (хотеть забыть). Метафора могилы соединяет в себе и память, и забвение. Словосочетание *забытая могила* в современном русском языке уже не воспринимается как оксюморон. Лишь камень и крест могут противостоять забвению. В приведённых ниже примерах можно

увидеть поэтическую переключку времён:

*Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл...*
(Н.А. Некрасов. *Русские женщины*, 1872 [10, т. 4, с. 170]).

*И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный*
(А.А. Ахматова. «Над черною бездной с тобою я шла ...», 1904 [1, т. 1, с. 6]).

Одной из самых привычных, устойчивых метафор памяти является слово *след*, которое обычно употребляется в сочетании с прилагательным *неизгладимый*. У Н.А. Некрасова *след* приравнивается воспоминанию, и таким образом это слово остаётся в границах ментальной сферы:

*Княгине памятен те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след* («Русские женщины», 1871 [10, т. 4, с. 128])

*На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
<...>
Погибла ты...* («Несчастные», 1856 [10, т. 4, с. 48]).

У Анны Ахматовой следы, оставленные на снегу, являются материальным воплощением памяти, такой же недолговечной, как и сам снег:

*Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лёд ещё сквозят
Вчерашние следы* («Сад», 1911 [1, т. 1, с. 87]).

*Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далёких веках*

Здесь с тобою прошли мы вдвоём
(«Хорошо здесь: и шелест и хруст ...»,
1922 [1, т. 1, с. 395]).

Противопоставление отвлечённого понятия в поэзии Н.А. Некрасова конкретному, вещественному в лирике А.А. Ахматовой можно увидеть и в том, как исчезновение следа трансформируется в метафору забвения. У Некрасова это умозрительное понятие, выраженное устойчивым оборотом со значением «меня забудут»:

Умру – и мой исчезнет след!

Надежда вся на музу! (Н.А. Некрасов. «Горе старого Наума», 1874 [10, т. 3, с. 145]).

У Ахматовой это след на снегу, его заметает снег, и эта вещественность, свойственная поэтике акмеизма, характерна для её поэтического языка:

*А вокруг погребальные звоны,
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след*
(«Поздний ответ», 1940 [1, т. 1, с. 469]).

*Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.*
(А.А. Ахматова. «Не страшай меня грозной судьбой ...», 1959 [1, т. 2, кн. 2, с. 18]).

Значение долгого удерживания событий прошлого в памяти ярко проявляется в поэзии А.А. Ахматовой и Н.А. Некрасова в общезыковых метафорических глаголах *хранить*³ – не забывать, всегда помнить [6, с. 1453]; *сохранить*⁵ – удержать в памяти, не забыть [6, с. 1243]; *беречь*² – стремиться сохранить в первоизданном виде; не утратить (о чувствах, воспоминаниях и т. п.) [6, с. 72].

Приведём несколько таких примеров из стихотворений Анны Ахматовой: *И комната, где окна слишком узки, / Хранит любовь и помнит*

старину» («Вечерняя комната», 1911 [1, Т. 1, с. 45]); *Но образ твой, твой подвиг правый / До часа смерти сохранию* («О нет, я не тебя любила ...», 1917 [1, Т. 1, с. 304]) *А ты письма мои береги, / Чтобы нас рассудили потомки ...* («Столько просьб у любимой всегда!..», 1913 [1, т. 1, с. 114]).

Этим отрывкам созвучны многие некрасовские строки: *Во всём, как остаток великой картины, / Былого величья хранит она тень* («Колизей», 1839 [10, т. 1, с. 202]); *Может быть, не сохранию я / В бедной памяти моей / Ни очей, ни поцалуя, / Ни движений, ни речей* («Слеза разлуки», 1840 [10, т. 1, с. 340]); *О ты, чьих писем много, много / В моём портфеле берегу* («О письма женщины, нам милой!..», 1852 [10, т. 1, с. 112]).

Память – это мысленное возвращение в прошлое или из прошлого, поэтому у Ахматовой нередко с этим иносказательным значением используются глаголы движения, такие как *бежать, пробраться, уходить, проходить (перед глазами), идти*. Они обычно сопровождаются наречиями с пространственной или временной семантикой: *туда, медленно, давно, всегда, навстречу*.

Бежим туда, но (как во сне бываем) / Там всё другое: люди, вещи, стены, / И нас никто не знает – мы чужие [1, т. 2, кн. 1, с. 99]; *Рассталкивая года, / По январям и июлям / Я проберусь туда* (Поэма «Путём вся земля», 1940 [1, т. 3, с. 31]); *Из прошлого восставши, молчаливо / Ко мне навстречу тень моя идёт* («Царскосельские строки», 1921 [1, т. 1, с. 372]).

Последний пример соотносится с общеупотребительным устойчивым

глагольным словосочетанием *стоять перед глазами*.

Ещё один общий для Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой мотив, связанный с памятью, – это *месть*. Даже в название оба поэта выносят это слово: ср. «Мечь» Ахматовой и «Мечь горца» Некрасова. «Музой мести и печали» называет Некрасов свою поэзию. Е.В. Малышкин пишет, что месть может использоваться человеком как один из способов преодоления времени. Мечь направлена на то, чтобы вернуть прошлое и изменить его, она требует обязательного возмездия. «Это всегда шаг от выказанной слабости к «силе», но к силе, в которой длящееся подвергается искажению и деформации: мечь не возвращает прошлое, а закрывает его. Она, позволяя сгладить боль памяти, заставляет увязнуть в чуждом, в чужой длительности» [9, с. 74].

Мне какую готовишь мечь?

Ты не выпьешь, только пригубишь

Эту горечь из самой глубли – Это вечной разлуки весть (А.А. Ахматова. «Поэма без героя», 1942 [1, т. 4, с. 200]).

Где елей искалеченные руки

Зывали к миценью – зеленеет ель,

И там, где сердце ныло от разлуки, –

Там мать поёт, качая колыбель.

(А.А. Ахматова. «Прошло пять лет, – и залечила раны ...», 1950 [1, т. 2, кн. 1, с. 148]).

Замолкни, Муза мести и печали!

Я сон чужой тревожить не хочу. (Н.А. Некрасов. «Замолкни, Муза мести и печали!..», 1855 [10, т. 1, с. 182]).

Торжествует мстительное чувство,

Догорая, теплится любовь.

(Н.А. Некрасов. «Праздник жизни – молодости годы ...», 1855 [10, т. 1, с. 162]).

Проведённое исследование показывает, что совпадение большинства символических образов у Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой совершенно очевидно. Наиболее характерные символы памяти в поэтическом языке Некрасова, о которых говорилось выше: *могила, саркофаг, колокольный звон, крест, письмо, книга, буква, скрижали, тень, пятно, отпечаток, подвал, руины, развалины, обломки, мечь*; в лирике и поэмах Ахматовой – это *могила, погребальные звоны, крест, письмо, книга, тень, пятно, след, подвал, дно, осколки, мечь*.

Метафоры забвения у обоих поэтов также очень близки по внутренней мотивации. В поэзии Некрасова забвение – *мрак, пыль, слой пыли, тернии* (заросли терновника), *мох, плющи, трава, зарастать*; в лирике и поэмах Ахматовой – *покров тьмы, пыль, чертополох, крапива, плесень, тлен, истлевать, развалины, обвал*.

Приведённые нами словесные символы памяти и забвения в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой являются ещё одним подтверждением того, что существует преемственность между литературными направлениями XIX и XX в. Если от символизма протягивается незримая нить к романтизму М.Ю. Лермонтова, то акмеизм во многом соотносится с реалистическими зарисовками А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2006. 1536 с.
3. Бондарева Л.М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. Вып. 4. С. 70–78.
4. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
5. Зализняк Анна А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке // Константы и переменные русской языковой картины мира / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв, А.А. Зализняк. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 485–506.
6. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка: Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 87–92.
7. Купчик Е.В. Метафора памяти в русской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 154–159.
8. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2004. С. 673–676.
9. Малышкин Е.В. Метафоры памяти в истории философской мысли: дис. ... док-ра филос. наук. С-Пб 2015. 341 с.
10. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
11. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 10–24.
12. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979. 447 с.

REFERENCES

1. Akhmatova A.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998.
2. Kuznetsov S.A., ed. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian]. St. Petesburg, Norint Publ., 2006. 1536 p.
3. Bondareva L.M. [To metaphors of memory (static and dynamic aspects)]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2009, no. 4, pp. 70–78.
4. Bragina N.G. *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 520 p.
5. Zaliznyak Anna A. [Conceptualization of memory and oblivion in the Russian language]. In: *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012. pp. 485–506.
6. Kubryakova E.S. [On the same fragment of conceptual analysis of the word memory]. In: *Logicheskii analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991. pp. 87–92.
7. Kupchik E.V. [The metaphor of memory in the Russian poetry] In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2011, no. 1, pp. 154–159.
8. Lotman Yu.M [Memory in the cultural lighting]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004. pp. 673–676.
9. Malyshkin E.V. *Metafory pamyati v istorii filosofskoi mysli: dis. ... dokt. filos. nauk* [Metaphors of memory in the history of philosophy: D. thesis in Philosophical sciences]. St. Petersburg, 2015. 341 p.
10. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000.

11. Revzina O.G. [Memory and language]. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2006, no. 10, pp. 10–24.
 12. *Chukokkala. Rukopisnyi al'manakh Korneya Chukovskogo* [Chukokkala. Handwritten almanac of Korney Chukovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 447 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: lonogrig@yandex.ru

Кадыоглу Эсра – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: essrakadioglu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Grigorieva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Russian language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lonogrig@yandex.ru

Esra Kadioglu – postgraduate student at the Department of the Russian language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: essrakadioglu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григорьева О.Н., Кадыоглу Э. Символика памяти и забвения в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 38–48
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-38-48

FOR CITATION

Grigorieva O.N., Kadioglu E. Memory and oblivion symbols in poetic language of N. Nekrasov and A. Akhmatova. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 38–48
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-38-48